

УДК 81'42

РЕГУЛЯТИВНАЯ СХЕМА АРГУМЕНТАЦИИ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Т. Н. САВЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты исследования регулятивной схемы аргументации, полученные на основе анализа русско- и белорусскоязычных научных статей гуманитарного профиля. Указано, что специфика регулятивной схемы как способа внутреннего структурирования аргументации заключается в использовании для поддержки пропонируемой точки зрения апелляции к авторитету. Выявлены два типа регулятивной схемы, первый из которых предполагает обращение к коллективному авторитету, второй – к индивидуальному. Для каждой разновидности установлены особые приемы идентификации, сформулированы критические вопросы. Отмечено, что прагматический потенциал регулятивной схемы связан с возможностью ее использования для обоснования не только дескриптивных, но и ценностных суждений. Утверждается, что условиями эффективного применения регулятивной схемы являются ориентация на модель адресата, выбор адекватного способа представления авторитета, выбор релевантного типа авторитета. Определено, что для качественной оценки регулятивной аргументации целесообразно учитывать следующие принципы: соразмерности, достоверности, объективности, релевантности, фактической адекватности. Нарушение данных принципов приводит к различным погрешностям в аргументирующем рассуждении. Сделан вывод о том, что когнитивные структуры, соответствующие регулятивной схеме, способы их вербализации, особенности функционирования в целом сходны в русской и белорусской гуманитаристике, а различия касаются лишь частотности употребления тех или иных моделей и аргументативных вербализаторов. Замечено, что понимание выявленных закономерностей формирует предпосылки для создания качественной научной продукции, а также ее квалифицированной оценки.

Ключевые слова: аргументация; аргументативная схема; регулятивная схема; апелляция к авторитету; научно-гуманитарный дискурс; русский язык; белорусский язык.

REGULATORY ARGUMENTATION SCHEME IN RUSSIAN AND BELARUSIAN HUMANITIES

T. N. SAVTCHOUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents results of the investigation of the regulative argumentation scheme, obtained on the basis of the analysis of Russian-language and Belarusian-language scientific articles of the humanitarian profile. Specificity of the regulatory scheme as a way of internal structuring of the argumentation consists in using an appeal to authority to support the advocated viewpoint. Two types of regulative scheme have been identified, the first of which involves an appeal to collective authority, the second one involves an appeal to individual authority. Specific identification methods are established, critical questions are formulated for each of the types. Pragmatic potential of the regulatory scheme is associated with the possibility of its use to justify not only descriptive, but also value judgements. The conditions for the effective application of the regulatory scheme are: targeting the addressee model, choosing an adequate way to represent authority,

Образец цитирования:

Савчук Т. Н. Регулятивная схема аргументации в русско- и белорусскоязычной гуманитаристике // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 3. С. 56–64.

For citation:

Savtchouk T. N. Regulatory argumentation scheme in Russian and Belarusian humanities. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 3. P. 56–64 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Николаевна Савчук – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета.

Author:

Tatiana N. Savtchouk, PhD (philology), docent; associate professor at the department of applied linguistics, faculty of philology.
tatyana.s77@list.ru

and choosing the relevant type of authority. For the expert assessment of the regulatory argument, it is advisable to take into account a number of principles: proportionality, reliability, objectivity, relevance, factual adequacy. Violation of these principles leads to various fallacies in the reasoning. The cognitive structures that comply with the regulatory scheme, the ways of their verbalization, the features of functioning in general are common for Russian and Belarusian humanitarian discourses. The differences relate only to the frequency of use of different models and argumentative markers. The understanding of the revealed regularities forms the preconditions for the creation of high-quality scientific production, as well as its qualified evaluation.

Key words: argumentation; argumentation scheme; regulatory scheme; appeal to authority; scientific and humanitarian discourse; the Russian language; the Belarusian language.

Введение

Качество аргументации как интеллектуально-речевой деятельности, реализующей прагматику убеждения, определяется рядом факторов. Один из наиболее существенных – способ «внутренней организации»¹ [1, р. 19] аргументирующего рассуждения, или тип аргументативной схемы. Отражая связи между структурными элементами аргументации (посылками / аргументами / доводами и тезисом / точкой зрения), аргументативная схема позволяет эксплицировать принципы, лежащие в основе поддержки тезиса, установить конвенциональные правила, оправдывающие перенос приемлемости посылок на пропонируемую точку зрения. «Жизненно важная роль» схем аргументации «в создании теоретических инструментов для анализа и оценки аргументативного дискурса» связывается с их прагматической сущностью, способностью «дополнить, если не заместить», формально-логические правила вывода [1, р. 19], что особенно актуально в практике анализа естественноречевой коммуникации. В связи с этим подчеркивается, что «теоретическое определение и категоризация аргументативных схем, способы их распознавания... являются в теории аргументации важнейшими темами исследования» [1, р. 19–20].

Несмотря на то, что систематическое изучение аргументативных схем начато еще в Античности, сегодня единой общепризнанной их классификации не существует. Специалисты объясняют это сложностью задачи, различием исследовательских целей и подходов, а также многообразием дискурсивных практик [2, р. 81].

Когнитивно-прагматический анализ аргументации в дискурсе гуманитарных наук² позволил создать авторскую типологию аргументативных схем, одним из членов которой является регулятивный тип обоснования. Результаты исследования регулятивной схемы (РГС) представлены в настоящей статье. Спецификация РГС предполагает выявление ее дистинктивных особенностей, установление приемов идентификации и условий применения, определение прагматического потенциала, выявление возможных ошибок, связанных с использованием этого типа обоснования.

Характеристика РГС аргументации

1. Понятие РГС. Действие аргументативных схем базируется на универсальном механизме: если реципиент принимает аргументы, он должен согласиться с пропонируемым тезисом, учитывая конвенциональную связь между структурными элементами аргументации [2, р. 81]. Конкретизация этого механизма происходит с учетом прагматической специфики разных видов схем.

РГС – такой способ внутреннего структурирования аргументации, при котором согласие с точкой зрения аргументатора опосредовано позитивным отношением адресата к посылкам аргументирующего рассуждения; это отношение, в свою очередь, обусловлено доверием к источнику посылок³. Организованная подобным образом аргументация имплицитно направляет, «регулирует» когнитивное поведение воспринимающего субъекта (отсюда и название схемы). Основным способом такой интеллектуально-психологической регуляции в дискурсе гуманитарных наук служит апелляция к авторитету. (В известных нам исследованиях по теории аргументации, риторике и неориторике, формальной и неформальной логике апелляция к авторитету как способ аргументирования связывается, как правило, с обыденным рассуждением и юридической практикой (см., например, [3–8]). Системный анализ

¹Здесь и далее перевод автора статьи.

²Фактологическую базу исследования составили статьи по различным направлениям гуманитаристики (социология, психология, культурология, лингвистика, журналистика), извлеченные из рецензируемых научных журналов. Корпус исследованного материала включает по 150 русско- и белорусскоязычных текстов.

³Именно непрямой характер воздействия («опосредованность доверием») отличает регулятивную схему от других типов обоснования, где принятие истинности/приемлемости тезиса основано на признании истинностной/вероятностной квалификации посылок, т. е. обусловлено объективными связями – логическими либо фактуальными.

указанного приема как аргументативной схемы применительно к научно-гуманитарному дискурсу предпринимается впервые.) Под авторитетом понимается «общепризнанное неформальное значение, влияние, компетентность, которыми наделяются и пользуются люди, идеи, системы взглядов, организации, общественные институты в силу определенных качеств и функций» [9, с. 11]¹.

РГС представлена двумя разновидностями, каждая из которых, будучи общей моделью рассуждения, имеет широкую вариативность содержательного наполнения. Традиционным способом проверки аргументативных схем являются оценочные, или критические, вопросы.

2. Типы РГС.

2.1. Первый тип РГС (РГС-1): Если А согласуется с В (не противоречит В) и В является авторитетной концепцией, то, вероятно, А истинно/приемлемо. РГС-1 основывается на следующем принципе: качество научного текста определяется тем, «насколько явно обнаруживается связь нового знания с уже апробированными истинными концептуальными структурами» [10, с. 75]. Встраивая свою позицию в существующую систему взглядов, аргументатор тем самым демонстрирует принадлежность к группе единомышленников, рассчитывает на поддержку, которая обеспечивается коллективным авторитетом.

Использование РГС-1 обусловлено спецификой научного дискурса, в частности его полилогичностью. Новое знание не создается изолированно: основываясь на определенных методологических и мировоззренческих предпосылках, оно представляет собой продукт кооперативного взаимодействия ученых-исследователей. Компетентность аргументирующего субъекта предполагает его профессиональную эрудицию, т. е. знакомство с имеющимися в той или иной предметной области достижениями и мнениями коллег. Таким образом, введение в аргументацию коллективного авторитета можно считать основой формирования доверия и к самому пропоненту, и к защищаемой им точке зрения. Именно этим, на наш взгляд, объясняется регулярность применения в гуманитарном дискурсе РГС-1, своего рода ритуализация этой разновидности регулятивной схемы.

Интенция аргументатора, связанная с применением РГС-1, может выражаться эксплицитно: (1)² рус. Покажем, что выдвигаемое в настоящей статье положение о том, что типология речевых жанров строится в соответствии с типами тем и ситуаций – стереотипов общения, является развитием идей предшествующих лингвистов (ФН, с. 59).

Однако случаи прямого указания на РГС-1 единичны и зафиксированы только в текстах на русском языке. Как правило, системность обоснования выражается косвенно. Опорой для идентификации схемы служат контекст, способ организации текстового фрагмента, разного рода вербализаторы. Коллективный авторитет представляется обобщенно ((2) рус. ...классификация в русле зарубежной исследовательской традиции лишний раз свидетельствует в пользу выделения новостей в особую группу внутри информационных жанров прессы (ВМУЗ, с. 232)) либо персонифицируется ((3) бел. Падлеткавы ўзрост, на думку Б. С. Волкава, І. А. Горкавай, У. В. Еўсеенка, І. С. Кона, Дз. Я. Райгародскага, А. А. Рэана, Д. Баўмында, Ф. Райса, Д. Шэфера, патрабуе асаблівай увагі бацькоў да тых перамен, якія адбываюцца з развіццёвым дзіцём... (ВБДПУ2, с. 40)).

Критические вопросы: Действительно ли В является авторитетной концепцией? Действительно ли А согласуется с В (не противоречит В)?

2.2. Второй тип регулятивной схемы (РГС-2): Если А совпадает с В и В является мнением авторитета, то, вероятно, А истинно/приемлемо. Прагматическим основанием связи посылок и заключения служит доверие к индивидуальному авторитету. Позитивное отношение к авторитетному лицу переносится на высказанные этим лицом суждения. Возможно как прямое указание на схему ((4) рус. В поддержку соображения о присутствии креативного компонента в переживании «положительно заряженного» движения можно привести утверждение А. Эйнштейна... (НПЖ2, с. 106)), так и косвенное ее представление ((5) бел. На думку акад. Л. У. Шчэрбы, прынцыповая памылка двухмоўных слоўнікаў «закрываеца ў дапушчэнні адэкватнасці сістэм паняццяў любой пары моў»... (БЛ, с. 4)).

Совпадение позиции автора научной статьи с мнением авторитета может выражаться явно. При этом широко используются дискурсивные клише типа рус. Как справедливо подчеркнул...; Можно вполне согласиться с ... в отношении того факта, что...; Нельзя не согласиться с мнением ... писавшего...; Здесь мы следуем за мыслью...; бел. Нельга не пагадзіцца з даследчыкам..., які піша, што...; Неабходна згадзіцца з выказваннем...; Як справядліва адзначае...; Мае рацыю... сцвярджаючы, што... и т. п. Например: (6) рус. Стоит согласиться с Ю. М. Лотманом в том, что выступая механизмом

¹ Не всякую ссылку на авторитет следует рассматривать как РГС. В случаях, если апелляция к авторитету не входит в структуру аргументативной конструкции, но является элементом аргументативного ресурса (комментария, уточнения, пояснения и пр.), если обращение к авторитетному мнению не нацелено на обоснование новых идей, но лишь на воспроизведение старых, регулятивная аргументация отсутствует.

² Здесь и далее числами в круглых скобках обозначаются номера примеров. – Т. С.

памяти, символы переносят какие-либо образования и тексты из одного пласта культуры в другой (НИК2, с. 14); (7) бел. *Мы зыходзілі з пазіцыі А. Р. Кавалёва аб тым, што задаткі – гэта «зародкавыя здольнасці»...* (ВБДПУ, с. 51).

Не менее характерно имплицирование согласия аргументатора с точкой зрения известного лица, распознаваемое посредством дискурсивного анализа. Косвенным показателем согласия с проверенным авторитетом служит построение высказываний по формуле *Еще + кто? / когда? + глагол с семантикой когнитивной деятельности*. В гуманитаристике не редкость фразы, подобные следующим: рус. *Еще И. Кант показал, что...; Еще в начале XX в. Г. Гийом в «Принципах теоретической лингвистики» развивал мысль о том, что...;* бел. *Так, яшчэ В. Бялінскі вызначаў крытыку як...; Так, У. Вярнадскі яшчэ ў другой палове 1930-х гадоў пісаў...*

Критические вопросы: Действительно ли В является мнением авторитета? Действительно ли А совпадает с В?

3. Прагматический потенциал РГС. Прагматическая роль регулятивных схем может быть двоякой. С одной стороны, они используются для реализации рационально-ценностной стратегии обоснования. Предпосылка для такого заключения – положение о том, что успех аргументации во многом зависит от способности пропонента убедить воспринимающего субъекта «в организованности и целостности текста», с помощью которого он хочет «укрепить выдвигаемый тезис» [10, с. 74]. Качество научной статьи определяется в том числе структурой: она должна не только отражать логику рассуждения, но и соответствовать определенным принципам организации научного текста, так называемому методологическому узусу – «общности представлений о нормах научного исследования и нормах его презентации в тексте» [11, с. 181].

Естественным способом репрезентации РГС является цитирование. При этом в дискурсе гуманитарных наук содержание цитат далеко не всегда «интериоризуется». В роли аргумента выступает не само цитируемое высказывание, а «речевой акт, связанный с предъявлением данного высказывания» [10, с. 72]. Перлокуция убеждения в таком случае – следствие автоматической реакции адресата на введение в структуру аргументации авторитетного мнения. Таким образом, использование РГС отвечает требованию рациональности, основанному на сложившейся в научном дискурсе традиции.

С другой стороны, применение РГС в гуманитаристике связано с неизбежным вовлечением в аргументацию разного рода эмоциональных отношений и субъективных оценок. Как результат – направленность РГС на эмоционально-психологическое воздействие. Двойственность прагматики РГС проявляется в том, что данная схема аргументации регулярно используется для обоснования не только дескриптивных, но и ценностных суждений. Формирование позитивной либо негативной ценности на основе оценки, высказанной авторитетом, – характерная особенность гуманитарного дискурса. При этом для квалификации аргументирующего рассуждения принципиально важным является содержательное наполнение РГС.

Показательно в этом плане сравнение следующих дискурсивных фрагментов: (8) рус. *Не лучшие выглядели многие другие игроки российской сборной. Недаром одна из самых популярных газет России назвала их «уродами».* Действительно, настоящими патриотами назвать их очень сложно (СА4, с. 479); (9) бел. *...сёння самі журналісты б'юць трывогу: «...Няёмка спасылаца на хрэстаматыйную Элачку-людоедку, але побач з некаторымі тэле- і радыёжурналістамі яна выглядала б красамоўным аратарам і ўвогуле цікавай суразмоўцай...»* (*Эфирные создания. СБ. Беларусь сегодня, 2 кастр. 2010*) (ВБДУ2, с. 84).

В примере (8) имеет место манипулятивное воздействие: автор научной статьи побуждает реципиента принять негативную оценку на основе мнения анонимного авторитета и, ограничивая возможный выбор оценочных характеристик крайностями («уроды» или «патриоты»), допускает в рассуждении очевидную логическую ошибку – неполный перечень альтернатив. Аргументация в цитате (9) легитимна: доводом в пользу критической оценки коммуникативных навыков современных журналистов служит авторитетное мнение, источник которого указан в статье; ироническая окраска цитируемого высказывания призвана усилить убеждающий эффект.

Условия эффективности РГС

1. Ориентация на модель адресата. Эффективность РГС в наибольшей мере определяется тем, насколько данная схема учитывает специфику адресата. Аргументацию как «сложный речевой акт» [12, с. 29–32], или «особый ценностно-ориентированный макротип речевого акта» [13, с. 41], следует отнести к категории речевых действий, названных Н. Д. Арутюновой «жестко адресованными»: с устранением адресата «они утрачивают *raison d'être*» [14, с. 360]. В связи с этим «удовлетворение пресуппозиции адресата» [14, с. 358] является необходимым условием успешности аргументации. То,

что успех убеждающего воздействия зависит от умения аргументатора «приспособиться к своей аудитории» [5, р. 23], стало общим местом аргументологии (см., например, [4, р. 2–3; 8, с. 67–68; 12, с. 12; 13, с. 50–52]).

Аудиторию научно-гуманитарной аргументации можно считать однородной. Основные параметры реципиента научной аргументации – рациональность, критичность, профессиональная компетентность, общекультурная и научная эрудиция (см. [11, с. 181–183]). Эти черты обобщенного социально-психологического портрета представителя гуманитарного научного сообщества являются инвариантными. Асимметризованность гендерными, возрастными, статусно-ролевыми различиями не существенна.

Специфика адресата побуждает аргументатора, использующего РГС, строить рассуждение таким образом, чтобы по возможности устранить или хотя бы минимизировать сомнения в адекватности коллективного и (или) индивидуального авторитета, «заручиться поддержкой» влиятельных единомышленников, повысить свой престиж в глазах коллег. Напомним, что фактор доверия является определяющим для РГС: эта схема эффективна только в том случае, если авторитет значим, признан, а потому неоспорим с точки зрения адресата.

Ориентация на определенную модель адресата служит источником формирования иных условий успешного применения РГС аргументации.

2. Выбор адекватного способа репрезентации РГС. Значим способ введения авторитетного мнения. Модели презентации авторитета можно сгруппировать следующим образом:

- если аргументатор уверен в представительности авторитета, осведомленности адресата, он ограничивается внутритекстовой либо затекстовой ссылкой (упоминание имени авторитетного лица (организации) факультативно) (см. примеры (3), (4), (6), (7)), что позволяет в случае необходимости проверить информацию, получить дополнительные сведения об источнике экспертного мнения;

- сомнение в осведомленности адресата, желание подчеркнуть статус авторитета, отметить его релевантность для данной области знания – вероятные причины, побуждающие аргументатора к дополнению презентации авторитета характеризующими компонентами: (10) рус. *Исследователь закономерностей влияния на людей П. С. Таранов дает такую трактовку манипуляции...* (ВМУ2, с. 29); (11) бел. *Заснавальнік педагагічнай псіхалогіі К. Д. Ушыньскі пісаў, што ў выхаванні ўсё засноўваецца на асобе выхавальніка...* (ВБДПУ, с. 63) и под.

Очевидно, что признанный авторитет не нуждается в представлении, поэтому естественным является лишь его название, как в примерах (4), (5). Использование развернутой характеристики рассматривается как тактика на повышение значимости авторитета. Средства ее реализации – указание статусных параметров, расшифровка инициалов имени собственного, а также разного рода оценочные квалификаторы: (12) рус. *В. В. Колесов, профессор Санкт-Петербургского университета, известный исследователь истории русского языка, убедительно раскрывает в своих многочисленных научно-популярных изданиях значение родного языка в идентификации русской языковой личности с родным народом...* (НИК1, с. 75).

Излишняя детализация в представлении авторитета, на наш взгляд, не всегда является оправданной. Подробная характеристика нацелена скорее на повышение аргументатором собственного престижа, создает неуместный пафос: (13) бел. *...Прэзідэнт факультэта журналістыкі МДУ імя М. В. Ламаносава прафесар Ясір Навумавіч Засурскі ў гэтай сувязі адзначае, што «перажываемая ў цяперашні час інфармацыйна-камунікатывная рэвалюцыя <...> вылучае новыя патрабаванні ў адносінах да... журналісцкіх кадраў»...* (ВБДУ1, с. 103).

Оценка высказанного авторитетом мнения оформляется с помощью дискурсивных клише, содержащих коннотированные лексемы: рус. *Как справедливо пишет (отмечает)...*; *...о чем убедительно сказал...*; *Методологически важное утверждение... состоит в том, что...*; *Эмпирически обоснованные и заслуживающие внимания ответы на эти вопросы даны...*; *...всеобъемлюще представлены в таких работах...*, как...; *Очень важны и эвристичны разработанные... представления о...*; *Одно из интереснейших исследований...*; бел. *Як слушна (справядліва) адзначае... поўна і дэталёва вызначыў...*; *У навуковай літаратуры слушна адзначаецца..., што...*; *Навукоўцы справядліва ўказваюць на...*; *...пераканаўча даказаў...*; *Вельмі яскрава і ёмка гэта выказаў...*; *Найбольш абгрунтаваную і поўную фармулёўку канцэпцыі даў...* и т. п. Стандартным способом акцентирования значимости научных результатов авторитета в русских текстах является следующая модель: *классический / фундаментальный / известный + труд / работа / исследование*.

Повышение престижа авторитета достигается посредством употребления стереотипных оценочных фраз (в русском дискурсе они обладают большим разнообразием), включающих субстантивные и адъективные номинации: рус. *лидер, пионер, основатель, родоначальник, известный, ведущий, гениальный, величайший, авторитетный, авторитетнейший*; бел. *заснавальнік, мысліцель, вядомы, выдатны, славыты, вялікі*.

Насыщенность высказывания оценочными квалификаторами – способ внушения, попытка аргументатора оправдать целесообразность ссылки, превентивная реакция на возможное сомнение, недоверие со стороны адресата: (14) бел. *У гэтым выпадку будзе дарэчы прывесці цікавую формулу лінгвіста з сусветным імем Г. Вяжбіцкай: «X – маці Y-ка = (a)»* (РС, с. 37).

Введение авторитета в структуру обоснования возможно как апелляция к неопределенному (анонимному) источнику. В гуманитарном дискурсе такая презентационная модель носит массовый характер и вербализуется посредством следующих речевых формул: рус. *По мнению многих современных ученых...; По мнению экспертов...; Как считают исследователи...; Специалисты утверждают, что (указывают, что) ...; Большинство лингвистов считают, что ...; Исследователи в большинстве своем стоят на платформе...; Как утверждают некоторые современные исследователи...; Как отмечают некоторые авторы...;* бел. *Усё часцей можна сустрэць меркаванні пра тое, што ...; Спецыялісты канстатуюць ...; Сучасныя псіхалагі ацэньваюць... як ...; На думку некаторых (многіх) даследчыкаў ...; Па меркаванні шэрагу экспертаў (спецыялістаў) ...; Як адзначаюць многія вучоныя... и др.*

Отличительная особенность такого способа оформления РГС – отсутствие ссылок на источник авторитетного мнения, даже в случае прямого цитирования: (15) рус. *Многие исследователи считают, что современное общество можно назвать «обществом с развитым досугом»* (СА1, с. 339); (16) бел. *Дамінаванне сеткавых структур у сучасным свеце дазваляе некаторым мысліцелям меркаваць, што само чалавечае грамадства з'яўляецца «сеткай сетак»* (ВНАНБ, с. 10).

Несомненно, научная коммуникация строится на основе презумпции доверия к аргументирующему субъекту. Вместе с тем отсутствие у воспринимающего субъекта возможности проверить достоверность информации способно спровоцировать недоверие с его стороны (здесь срабатывает житейский принцип «доверяй, но проверяй»). И это вполне оправданно и обусловлено возможностью манипулятивного использования анонимного авторитета. Анализ и оценка РГС в таком случае требуют привлечения специальных (экспертных) знаний: (17) рус. *Классическая теория аргументации указывает на то, что убедительной гарантией истинности может быть привязка к опыту аудитории* (ВМУ1, с. 17). Владение темой позволяет нам усомниться в достоверности приведенного «авторитетного мнения»: апелляция к опыту аудитории рассматривается как условие убедительности аргументации, а не «гарантия истинности».

Доверие к анонимному авторитету прямо пропорционально доверию к ссылающемуся на такой источник автору научной статьи (важны статусные параметры автора, его профессиональная репутация), а также к научному изданию, в котором помещена публикация (значимо качество издания, его престиж).

3. Выбор релевантного типа авторитета. Авторитет, задействованный в регулятивном обосновании, относится к одному из трех видов: он может быть эпистемическим, моральным либо деонтическим.

Источник эпистемического авторитета – носитель знания (специалист, ученый, исследователь). Только этот вид авторитета обладает безусловной легитимностью в научной аргументации (см. примеры (2)–(7); (10)–(14)).

Источник морального авторитета – носитель морально-нравственных ценностей (представитель других областей культуры: философ, писатель, поэт, музыкант, общественный деятель). Насколько оправданно его включение в РГС, определяется такими дискурсивными факторами, как предметная область, тема статьи, характер обсуждаемой проблемы: (18) рус. *Наверное, и для психологов актуальна мысль Д. С. Лихачева о том, что «...ученые не всегда бывают интеллигентны (в высшем смысле, конечно) ...»* (НПЖ1, с. 17). В данном случае приводимая в автором статьи по психологии ссылка на мнение Д. С. Лихачева, а также включение в аргументацию высказываний А. Ф. Лосева и Ю. М. Лотмана (НПЖ1, с. 19) вполне согласуются с обоснованием понятия интеллигентности, усиливают аргументацию. Такой же прагматический эффект достигается автором культурологического исследования, который для поддержки своего тезиса привлекает мнение известного музыканта: (19) бел. *Фрэнк Заппа, адзін з выдатных амерыканскіх кампазітараў і выканаўцаў XX ст., сцвярджаў, што «...большая частка рок-журналістыкі – гэта людзі, якія не ўмеюць пісаць, якія бяруць інтэрв'ю ў тых, хто не ўмее распаўядаць, для тых, хто не ўмее чытаць»* (ВНАНБ4, с. 88).

Неуместное обращение к моральному авторитету, напротив, ослабляет аргументацию: (20) рус. *По мнению российского писателя Владимира Войновича, природа делит все живые существа, начиная от сперматозоидов и кончая высшими животными, на вожakov и членов стада. Известный советский писатель Андрей Платонов в романе «Чевенгур» отмечал, что где есть масса людей, там сейчас же является вождь* (СА2, с. 36).

Источник деонтического авторитета – носитель властных полномочий (политик, чиновник, наделенный административным статусом ученый).

Возможны два варианта включения в РГС деонтического авторитета. Во-первых, прямая апелляция к мнению политиков, чиновников: (21) рус. *Не менее важной сегодня является проблема «кризиса культуры». Практически каждый день с экранов телевизоров в своих обращениях к народу Президент России Д. А. Медведев и другие известные политики говорят о необходимости повышения уровня культуры в нашем обществе...* (НИКЗ, с. 28). Заметим, что если российские авторы прибегают к деонтическому авторитету в единичных случаях, то белорусские ученые используют его регулярно, причем как в русскоязычных, так и (чаще) в белорусскоязычных статьях: (22) *Одним из важнейших элементов национальной политической системы является Всебелорусское народное собрание. <...> По мнению Главы государства А. Г. Лукашенко, данная оправдавшая себя форма управления стала гарантией социально-политической стабильности страны* (САЗ, с. 51); (23) бел. *Захаванне культуры і гісторыка-культурнай спадчыны – адзін з дзяржаўных прыярытэтаў. На IV Усебеларускім сходзе Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка падкрэсліў, што культура – неад’емны складнік суверэнітэту...* (ВНАНБ2, с. 74).

Во-вторых, как обращение к деонтическому авторитету мы квалифицируем указание в презентации авторитета не только его научного, но и социально-административного статуса: (24) *Як адзначае А. А. Лазарэвіч, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, намеснік дырэктара па навукавай працы Інстытута філасофіі НАН Беларусі, «сетка Інтэрнэт дае практычна бязмежныя магчымасці для камунікацыі...»* (ВНАНБ1, с. 6). Избыточность такой информации существенна для раскрытия косвенного прагматического смысла высказывания – оказать психологическое давление на реципиента.

Принципы использования РГС и возможные погрешности в ее применении

Опираясь на известный принцип кооперации Г. П. Грайса [15], а также на общий принцип коммуникации, разработанный голландскими аргументологами Ф. Х. ван Еемереном и Р. Гроотендорсом [12, с. 50–57], и признанные в теории аргументации конвенции и правила общения [16, с. 331–335], мы эксплицировали принципы эффективного использования РГС в гуманитаристике. Их нарушение приводит к разного рода погрешностям в аргументации.

1. Принцип соразмерности: апелляция к авторитету должна быть достаточной для поддержки тезиса и соизмеряться потребностями акта аргументации. Возможные погрешности:

а) «недостаточный авторитет»:

- отсутствие системности в обосновании вследствие игнорирования РГС-1 (аргументация научной идеи без опоры на методологические основания аномальна для научного дискурса);

- тезис подкрепляется ссылкой на мнение, не обладающее достаточным престижем;

б) «избыточный авторитет»: аргументация перегружается экспертными оценками, в результате «голос» автора заглушается «хором чужих голосов», его мысль «растворяется» в потоке чужих мыслей. Следует помнить, что апелляция к авторитету – слабый довод в науке, ведь основой научного творчества является самостоятельность мышления ученого.

2. Принцип достоверности: информация об авторитете должна быть правдивой и не вызывать сомнений. Возможная погрешность – «сомнительный авторитет» – возникает при отсутствии у реципиента возможности проверить информацию об источнике авторитета, что является прямым следствием нарушения требований к ссылкам научной работы. Проблемы со ссылками в научных статьях, как выяснилось, многочисленны: отсутствие ссылок при упоминании имени автора, названия книги, при косвенном (свободном) цитировании, обращении к анонимному авторитету; отсутствие ссылок на страницу в случае прямого цитирования; отсутствие внутритекстовых ссылок при наличии авторитетных источников в библиографическом списке; отсутствие в библиографическом списке цитируемых источников. Отсутствие ссылок при цитировании оправданно только в том случае, если пропонент уверен, что включенное в аргументацию авторитетное суждение будет идентифицировано реципиентом как экспертное знание, т. е. знание, надежно закрепившееся в метакоммуникативном фонде представителей той или иной области науки.

3. Принцип объективности: презентация авторитета должна быть беспристрастной. Возможные погрешности:

а) тенденциозность в представлении авторитета: излишняя комплиментарность в отношении к авторитету, неоправданное акцентирование либо завышение статуса авторитета, преувеличение его заслуг – как следствие попытки повысить значимость авторитетной поддержки (см., напр.: СА2, СА4);

б) тенденциозная интерпретация авторитетного мнения.

4. Принцип релевантности: апелляция к мнению эксперта должна иметь очевидную связь с защищаемой точкой зрения. Возможны следующие погрешности:

а) нерелевантный авторитет, т. е. неуместная ссылка, уводящая от тезиса, а не проясняющая его (14);

б) мнимый авторитет – апелляция к мнению лица, не являющегося экспертом в данной области знания (в данном вопросе);

в) псевдоавторитет – результат подмены эпистемического авторитета моральным (20) либо деонтическим (22), (23);

г) симуляция авторитета – подмена обоснования ссылкой на сомнительный и (или) анонимный авторитет.

5. Принцип фактической адекватности: авторитетное мнение должно воспроизводиться точно. Возможная погрешность – искажение авторитета, формы которого многообразны: количественное и (или) качественное преобразование цитируемого высказывания, произвольное обращение с источником при косвенном цитировании, выдергивание фразы из контекста (изоляция), встраивание в неподходящий контекст (об этом см. [8, с. 61; 17, с. 31–32]).

Выводы

Регулятивная схема – способ аргументации, основанный на апелляции к авторитету. Прагматические различия позволяют дифференцировать два типа РГС. Условиями эффективного использования РГС являются ориентация на модель адресата (обобщенный образ ученого-гуманитария), выбор адекватного способа представления авторитета (та или иная презентационная модель используется с учетом дискурсивных параметров коммуникации), выбор релевантного типа авторитета (безусловную ценность имеет лишь эпистемический авторитет, целесообразность включения в РГС морального и деонтического авторитета определяется конситуативно). Для адекватной оценки регулятивной аргументации, помимо критических вопросов, целесообразно учитывать ряд принципов. Их нарушение приводит к различным погрешностям в аргументирующем рассуждении. Ментальные структуры, соответствующие регулятивной схеме, способы их вербализации, особенности функционирования в целом сходны в русско- и белорусскоязычных дискурсах гуманитарных наук. Имеются различия лишь в частотности употребления тех или иных моделей и аргументативных вербализаторов. Понимание закономерностей использования РГС в равной степени важно как для аргументатора, так и для реципиента научного обоснования, поскольку формирует предпосылки для создания качественной научной продукции и ее квалифицированной экспертизы.

Сокращения

ВДПУ1 – Бандарчук А. В. Асаблівасці вербальных зносін музычнага кіраўніка з дзецьмі дашкольнага ўзросту // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2005. № 4. С. 63–67; **ВДПУ2** – Грыцкова К. В. Спецыфіка сямейнага ўзаемадзеяння ў падлеткавым узросце // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2005. № 1. С. 41–46; **ВДПУ3** – Куляшова В. У. Творчае развіццё дзіцяці ў сенсорна-перцептыўным працэсе музычна-гульнявой дзейнасці // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2005. № 1. С. 50–53; **ВДУ1** – Басава Г. І. Журналістская адукацыя ў сістэме павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў: прыярытэты і перспектывы // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2011. № 2. С. 103–105; **ВДУ2** – Іўчанкаў В. І. Слова і ісціна ў парадыгме сучаснай журналістыкі // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2011. № 2. С. 83–86; **БЛ** – Нікалаева В. М., Трухан Т. М. Двухмоўная лексікаграфія: праблемы складання руска-беларускіх слоўнікаў // Беларус. лінгвістыка. 2011. Вып. 67. С. 3–14; **ВМУ1** – Аникина М. Е., Хруль В. М. Особенности аргументации в текстах массовой интернет-коммуникации: опыт структурного и содержательного анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2015. № 3. С. 3–23; **ВМУ2** – Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2005. № 1. С. 29–54; **ВМУ3** – Негрышев А. А. К макроструктурной типологии текстов новостных жанров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2011. № 1. С. 228–244; **ВНАНБ1** – Ефіменка А. В. Сацыякультурны статус і роля інтэрнэту ў сучасным грамадстве // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2008. № 4. С. 4–11; **ВНАНБ2** – Лакотка А. І. Акадэмічная навука – развіццё нацыянальнай культуры // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2014. № 1. С. 74–87; **ВНАНБ3** – Мачыхін С. І. Сеткавая арганізацыя лабізму ў сучасным грамадстве // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2010. № 2. С. 10–14; **ВНАНБ4** – Свядлоў П. Р. Праблемы аўтарства ў беларускай музычнай журналістыцы // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2011. № 2. С. 88–94; **НИК1** – Донская Т. К. Речь как отражение этического и эстетического в личности // Наука. Искусство. Культура. 2012. Вып. 1. С. 72–82; **НИК2** – Мищенко Л. А. Коммуникативные функции народного музыкального инструментального искусства: прошлое и настоящее // Наука. Искусство. Культура. 2013. Вып. 2. С. 13–27; **НИК3** – Реш О. В. Феномен культуры: история происхождения и современные тенденции развития // Наука. Искусство. Культура. 2013. Вып. 2. С. 28–31; **НПЖ1** – Дубровина И. В. Психологическая культура и образование // Нац. психол. журн. 2007. № 2. С. 16–20; **НПЖ2** – Тюрин П. Т. Об эмоциональных состояниях, возникающих при наблюдении разнонаправленных движений // Нац. психол. журн. 2012. № 1. С. 104–106; **РС** – Жаўняровіч П. Канцэпт

публіцыстычнага тэксту // Роднае слова. 2010. № 4. С. 35–38; **СА1** – Бабосова Е. С. Досуг как фактор включенности молодежи в социокультурную деятельность // Социол. альм. 2012. Вып. 3. С. 337–345; **СА2** – Котляров И. В. Лидерство как теоретический концепт и объективная реальность: социологические тренды // Социол. альм. 2014. Вып. 5. С. 29–51; **СА3** – Котляров И. В. Политическая система Беларуси: теоретическое регулирование и социологическое осмысление // Социол. альм. 2011. Вып. 2. С. 41–53; **СА4** – Рысюкевич Н. С. Формирование спортивных лидеров: социологические матрицы // Социол. альм. 2013. Вып. 4. С. 477–488; **ФН** – Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филол. науки. 2001. № 3. С. 56–65.

Библиографические ссылки

1. Eemeren F. H. van, Garssen B., Krabbe E., et al. Argumentation theory // Handbook of argumentation theory. Dordrecht [etc.], 2014. P. 1–50.
2. Garssen B. J. Argument schemes // Crucial concepts in argumentation theory / ed. by F. H. van Eemeren. Amsterdam, 2001. P. 81–99.
3. Bachman J. Appeal to authority // Fallacies: classical and contemporary readings. Pennsylvania, 1995. P. 274–286.
4. Jovićić T. Authority-based argumentative strategies: a model for their evaluation // Argumentation. 2004. Vol. 18, № 1. P. 1–24.
5. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric: a treatise on argumentation. Notre Dame ; London : University of Notre Dame Press, 1969.
6. Walton D. Appeal to expert opinion: arguments from authority. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 1997.
7. Walton D., Sartor G. Teleological justification of argumentation schemes // Argumentation. 2013. Vol. 27, № 2. P. 111–142.
8. Москвин В. П. О типах и формах аргументации к авторитету // Рус. словесность. 2007. № 6. С. 61–70.
9. Петренко Е. Л. Авторитет // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 11.
10. Гусев С. С. Цитирование как способ аргументации // Речевое общение и аргументация. СПб., 1993. Вып. 1. С. 68–76.
11. Синица И. А. Языковая личность ученого-гуманитария XIX века. Киев : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2006.
12. Емерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки : пер. с англ. СПб. : Васильевский остров, 1992.
13. Баранов А. Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990. С. 40–52.
14. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
15. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. New York, 1975. Vol. 3 : Speech Acts. P. 41–58.
16. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. С. 327–337.
17. Сентенберг И. В., Карасик В. И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. СПб., 1993. Вып. 1. С. 30–38.

References

1. Eemeren F. H. van, Garssen B., Krabbe E., et al. Argumentation theory. In: *Handbook of argumentation theory*. Dordrecht [etc.], 2014. P. 1–50.
2. Garssen B. J. Argument schemes. In: *Crucial concepts in argumentation theory*. Amsterdam, 2001. P. 81–99.
3. Bachman J. Appeal to authority. In: *Fallacies: classical and contemporary readings*. Pennsylvania, 1995. P. 274–286.
4. Jovićić T. Authority-based argumentative strategies: a model for their evaluation. *Argumentation*. 2004. Vol. 18, No. 1. P. 1–24.
5. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric: a treatise on argumentation. Notre Dame ; London : University of Notre Dame Press, 1969.
6. Walton D. Appeal to expert opinion: arguments from authority. Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 1997.
7. Walton D., Sartor G. Teleological justification of argumentation schemes. *Argumentation*. 2013. Vol. 27, No. 2. P. 111–142.
8. Moskvin V. P. [On the types and forms of argumentation to authority]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature]. 2007. No. 6. P. 61–70 (in Russ.).
9. Petrenko E. L. [Authority]. In: *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2001. P. 11 (in Russ.).
10. Gusev S. S. [Citing as a way of argumentation]. In: *Rechevoe obshchenie i argumentatsiya* [Speech communication and argumentation]. Saint Petersburg, 1993. Issue 1. P. 68–76 (in Russ.).
11. Sinica I. A. [Language personality of the scientist-humanities of the XIX century]. Kiev : Publishing house Dmitriya Burago, 2006 (in Russ.).
12. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. [Argumentation, Communication and Fallacies]. Saint Petersburg : Vasil'evskii ostrov, 1992 (in Russ.).
13. Baranov A. N. [Argumentation as a linguistic and cognitive phenomenon]. In: *Rechevoe vozdeistvie v sfere massovoi kommunikatsii* [Speech impact in the sphere of mass communication]. Moscow, 1990. P. 40–52 (in Russ.).
14. Arutjunova N. D. [Factor of addressee]. *Izv. Akad. nauk SSSR. Ser. lit. i yazyka* [Proc. of the USSR Acad. of Sci. Ser. of lit. and lang.]. 1981. Vol. 40, No. 4. P. 356–367 (in Russ.).
15. Grice H. P. Logic and conversation. In: *Syntax and Semantics*. New York, 1975. Vol. 3 : Speech Acts. P. 41–58.
16. Dem'jankov V. Z. [Conventions, rules and communication strategies (interpretative approach to argumentation)]. *Izv. Akad. nauk SSSR. Ser. lit. i yazyka* [Proc. of the USSR Acad. of Sci. Ser. of lit. and lang.]. 1982. Vol. 41. P. 327–337 (in Russ.).
17. Sentenberg I. V., Karasik V. I. [Pseudo-argumentation: some types of speech manipulation]. In: *Rechevoe obshchenie i argumentatsiya* [Speech communication and argumentation]. Saint Petersburg, 1993. Issue 1. P. 30–38 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 18.05.2017.
Received by editorial board 18.05.2017.